
Зарубежная литература

УДК 821.111:39 (470) + 821.111:94 (470)

КРАСАВЧЕНКО Т.Н.¹ АВТОР «МЭРИ ПОППИНС» ПАМЕЛА ТРЭВЕРС В ЖАНРЕ ТРАВЕЛОГА: «МОСКОВСКАЯ ЭКСКУРСИЯ».

DOI: 10.31249/lit/2022.02.10

Аннотация. «Московская экскурсия» (1934), первая книга англо-ирландской писательницы П.Л. Трэверс, позднее автора знаменитых романов о Мэри Поппинс, – интересное историческое свидетельство и яркое, ироничное, остроумное литературное произведение. Трэверс правдиво, точно передает свои впечатления о поездке в СССР осенью 1932 г., но у нее нет сочувствия к разыгрывающейся у нее на глазах трагедии народа. Советская Россия, как и Россия вообще – цивилизационно-чуждая страна для нее.

Ключевые слова: жанр травелога; английская литература; Советская Россия 1930-х; крах советского эксперимента.

Для цитирования: Красавченко Т.Н. Автор «Мэри Поппинс» Памела Трэверс в жанре травелога: «Московская экскурсия» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2022. – № 2. – С. 137–146. DOI: 10.31249/lit/2022.02.10

KRASAVCHENKO T.N. *Moscow excursion*, the travelogue by Pamela Travers, the author of *Mary Poppins*.

Abstract. *Moscow excursion* (1934), the first book written by an Anglo-Irish writer P.L. Travers, who later became the author of famous

---

¹ Красавченко Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН.

Mary Poppins novels, is an interesting historical evidence and a bright, ironic, witty literary work. Travers faithfully conveys her impressions of the trip to Soviet Russia in autumn of 1932, but lacks empathy for the tragedy of people, which she witnesses. Soviet Russia, as well as Russia as a whole, is a country civilizationally alien to her.

Keywords: travel genre; English literature; Soviet Russia of 1930s; Soviet experiment failure.

To cite this article: Krasavchenko, Tatiana N. “Moscow excursion, the travelogue by Pamela Travers, the author of *Mary Poppins*”, Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 2, 2022, pp. 137–146. DOI: 10.31249/lit/2022.02.10

В 1932 г. Памела Линдон Трэверс (наст. имя Хелен Линдон Гофф, 1899–1996) купила в лондонском представительстве советского «Интуриста» групповой тур (возможен был только такой) и провела несколько недель в Ленинграде и Москве. Вернувшись, она написала об этой поездке книгу в форме писем британскому другу. Фрагменты своего травелога под названием «Письма из России» она опубликовала в 1933 г. в журнале *The New English Weekly*, редактором которого был ее друг Альфред Орэдждж, у которого теософские увлечения сочетались с социалистическими взглядами и приверженностью к модернистской эстетике, а в 1934 г. издала отдельной книгой «Московская экскурсия» [8].

Что побудило Трэверс осенью 1932 г. отправиться в СССР? В первой трети XX в. интерес к России в Британии был очень велик. Но если в 1910–1920-е годы – период «русского бума» – британцы «сходили с ума» по сезонам Дягилева и русской литературе, то в 1920–1930-е на них, как и на весь мир, магнетически воздействовал «великий советский эксперимент»: в течение веков люди мечтали о воплощении утопии в жизнь, и вот, казалось, мечта сбывается. Очевидно, что все это повлияло на сложившийся у Трэверс до поездки образ России, к которому добавились и стереотипные представления о ней как стране загадочной и манящей, хотя «варварской» и «опасной».

К 1932 г. Трэверс, родившаяся в 1899 г. в австралийском городке Мэриборо, обладала немалым жизненным и творческим опытом: она успела поработать в Сиднее кассиром в газовой компании, с 1921 г. была актрисой «Шекспировской труппы» Аллена

Уилки, гастролировавшей по Австралии и Новой Зеландии, два года вела колонку в одной из сиднейских газет, писала и публиковала стихи, а в 1924 г. переехала в Лондон, откуда посылала путевые заметки и статьи о театре в австралийские газеты.

Трэверс считала себя ирландкой: ирландцем был ее отец Роберт Гофф Трэверс, у него она и заимствовала сначала сценический, а потом и литературный псевдоним, сочетав его фамилию с модным в то время именем Памела. Ее интересовало все, что связано с Ирландией, поэтому в 1925 г. она оказалась в Дублине, где подружилась с поэтом и философом Джорджем Уильямом Расселом, редактором журнала *The Irish Statesman*. От него она впервые узнала о теософии, об оккультизме и всю жизнь оставалась их приверженцем. Рассел ввел ее в круг ирландской интеллектуальной элиты, познакомил с У.Б. Йейтсом, с эссеистом Хьюбертом Батлером, умеренным социалистом, разделявшим взгляды Бертрама Рассела. Батлер выучил русский язык, в 1930 г. перевел на английский роман Л. Леонова «Вор», в 1934-м – чеховский «Вишневый сад», а в 1931 г. побывал в России [7]. Батлер находил сходство между ирландской и русской культурами, что также могло побудить Трэверс поехать в Россию. Вполне вероятно и то, что перед поездкой она прочла книгу «Я ездил в Россию» [10] ирландского писателя Лиамы О'Флаэрти, сатирически изобразившего свое посещение СССР в апреле 1930 г. Он был одним из самых ярких представителей Ирландского возрождения (а в 1921 г. стал одним из основателей Ирландской компартии, но позднее разочаровался в «левом движении») и очень заметной фигурой в Ирландии – Трэверс не могла не знать о нем. Британцев всколыхнула поездка в Советскую Россию еще одного ирландца – Б. Шоу, который в июле 1931 г. провел там одиннадцать дней и вернулся домой поклонником «практичного государственного деятеля» Сталина и в восхищении от «великого коммунистического эксперимента», спасающего цивилизацию от «коллапса и распада» [6, р. 26]. Шоу оправдывал террор, не заметил голода, царившего в стране, восхищался девушками, разгружавшими вагоны. По мнению Стэнли Вайнтрауба, американского издателя записных книжек Шоу и автора книги «Неожиданный Шоу» (1982), писатель знал, что видит «фантастическую театральную постановку коммунизма», но не хотел признать, что за красным занавесом скрывались аресты, каз-

ни, голод, насильственные трудовые лагеря, цензура, общая для всех, кроме большевистской элиты, бедность [1]. Как многие западные левые, он верил в то, во что хотел верить, тем более в СССР он был принят как «королевская особа», как он сказал послу СССР в Великобритании И.М. Майскому [4, с. 27]. Книга Трэверс была написана – намеренно или невольно – в полемике с Шоу.

Трэверс путешествовала в группе туристов, безоговорочно позитивно относившихся к Советской России. В основном это были представители тред-юнионов: рабочие, учителя, фермеры, но также и интеллектуалы – в книге они названы Профессорами. Настроенная иронично и скептически, Трэверс представляет себя как аполитичную легкомысленную туристку, «белую ворону», аутсайдера в этой группе: «Увы, мне нет дела до политики. Но, похоже, никто и представить себе не может, что человек, не являющийся ни поклонником, ни противником советского режима, вздумал побывать в этой стране. Мое равнодушие к коммунистическому государству раздражает, как его сторонников, так и противников – все они убеждены, что в Россию немислимо ехать просто так» [9, с. 27]. И действительно, биограф Трэверс – Валери Лоусон – не приводит свидетельств ее увлечений коммунистическими идеями [3], но, конечно, Трэверс отправилась в это «опасное путешествие» не ради развлечения: она ехала в СССР, будучи хорошо подготовленной своим ирландским «лево-теософским» окружением, оппозиционно настроенным по отношению к британскому истеблишменту и, наоборот, сочувственно – ко всем попыткам «сопротивления» любым формам социального гнета. Интерес ее к Советской России велик, но она – человек «с позицией», не укладывающейся в традиционные политические лекала; она энергична, любознательна, предприимчива, экстравагантна, у нее волевой характер и живая фантазия, и ей важны прежде всего «жизнь и свобода».

Трэверс путешествовала по СССР в обычной туристической группе, а не с официальной делегацией, и прием был «второго класса» – без почестей и комфорта, довольно небрежным со стороны «Интуриста», хотя идеологическая обработка осуществлялась по полной программе. И началась она еще на корабле, где в столовой красовалось изваяние Ленина, за ним «фриз из красно-белых плакатов» [9, с. 30], в судовом книжном магазине все книги были на одну тему: жизнеописания и речи Ленина, избранные ста-

ты Сталина, – на палубе у кресел лежали брошюры «Моя жизнь в колхозе», «Юные октябрята», «Воспоминания о Ленине». Корабль показался Трэверс «подобием учреждения строгого режима» [9, с. 31], где все делалось по строгим правилам: курить в столовой нельзя; уходя из-за стола, надо складывать салфетку и заправлять в кольцо и т.п. В кинозале показывали хронику: «...толпы рабочих, двигаясь по небольшому экрану, мерцают словно в тумане (линза сильно поцарапана) – появляются из темноты и исчезают во мраке», но главное в этой хронике – «не люди, а машины, заботливо опекаемые рабочими» [9, с. 30]. Затем следует «не столь увлекательный, но все же впечатляющий антибуржуазный фильм» [ibid.]. Не упомянув его названия, Трэверс описала лишь финальную сцену, «когда темные воды Невы поглощают кресло, граммофон и бутылку пива» [9, с. 30–31]. Переводчица книги Трэверс на русский Ольга Мязотс с помощью киноведа Натальи Нусиновой выяснила, что писательница смотрела вышедший на экраны в 1925 г. фильм Григория Козинцева и Леонида Трауберга «Похождения Октябрины». Н. Нусинова назвала его «одним из самых безумных и захватывающих фильмов в истории советского кино» [цит. по: 9, с. 229], от которого остались лишь текст сценария, фотограммы и рассказы очевидцев. Ю. Тынянов так вспоминал один из его эпизодов: герои ездят на велосипедах по крышам в Ленинграде. «По сценарию, в финале в реке бутылка, – уточняет Н. Нусинова, – но граммофон и кресло – также уместны. <...> Все три <...> – предметы “старого быта”, вот их и выбросили» [ibid.]. Однако Трэверс не оценила по достоинству этот авангардистский фильм; судя по всему, кино не входило в круг ее эстетических интересов.

Без прикрас как своего рода увертюру к поездке Трэверс описала прибытие в Ленинград: «стюарды буквально ссыпают нас вместе с чемоданами вниз по сходням и солдаты без всяких церемоний заталкивают нас на таможеню. <...> Сотрудники ГПУ вышвырнули наши вещи из чемоданов, и нам пришлось торопливо захихивать их назад, после этого мы уже готовы поверить в то, что виновны в каком-то неведомом ужасном злодеянии. Мы преступники и не должны забывать этого» [9, с. 34].

Красоте Северной столицы Трэверс воздает должное: «Это поразительно красивый город! Светлые изысканные дома и дворцы растут, словно цветы на широких грядках улиц – по крайней

мере так чудится поначалу. Морозно-синяя, огненно-синяя Нева кажется тверже, чем воздушные мосты над ней» [9, с. 34–35]. Но далее перспектива все время находится в группе и под присмотром гида кажется ей деморализующей, и это ощущение усиливается под лавиной статистических данных, обрушиваемых на головы туристов. В результате ее главное впечатление от советской жизни таково: «Унылость, всеобщая серость, совершенная одинаковость людей», мы «проникаемся привычкой, которую замечаем в каждом встреченном нами русском: жить вполсилы, сберегая драгоценную энергию; и учимся терпеть, терпеть, терпеть. Нас засасывает машина, мы словно попали в зубцы гигантской шестеренки: с кошмарной регулярностью разъезжаем из крепости во дворец, из дворца на фабрику. Огромные человеческие часы мерно отсчитывают время, но, похоже, никому не известно, верно ли они идут» [9, с. 50–51]. «Мы чувствуем себя потерянными. <...> Все вокруг незнакомое – даже люди, серые и едва различимые в сером северном свете, кажутся пришельцами с другой планеты. Глаз, единственный из всех органов чувств, иногда развеивает наши страхи. Дворцы XVIII века уносят нас мыслями в прошлое, такое знакомое и любимое. Дуга желто-белых зданий напротив Зимнего дворца – шедевр архитектуры. Улицы расходятся от площади с почти музыкальной точностью и изяществом. <...> Нас окружают два мира: Европа XVIII века и Россия – четкость и дисциплина на одном фланге и варварская необузданность на другом. <...> Над всем этим довлеет ощущение смерти, иностранное величие кажется навязанным извне, а не выросшим из этой болотистой земли. Ветер несется над мертвыми» [ibid.].

В Ленинграде британцы живут в помпезном, некогда роскошном, а ныне убогом отеле: в номере холодно, в сырой ванной пятна ржавчины, горячая вода бывает редко, горничная больше похожа «на санитарку в клинике для душевнобольных» [9, с. 79]. Живут они впроголодь: кормят их лишь утром и вечером, да и то плохо. Постепенно у Трэверс возникает подозрение, что их намеренно подвергают «ритуалу закалки»: «Мы постепенно привыкаем к ограничениям и учимся жить вполсилы. Но все-таки явно сдаем, хотя сами себе в этом не признаемся. От нашей прежней живости не осталось и следа. Если раньше мы ходили бодрым шагом, то

теперь еле-еле плетемся. Легкая танцующая походка уступила место тяжелому шарканью» [9, с. 81].

В Москве не стало лучше: все те же бытовые проблемы, та же «серая атмосфера» и ощущение полного контроля со стороны «Интуриста» и ОГПУ. Хотя город иной: «Священная Москва! Как она кипит и пузырится – в солнечных лучах луковицы-куполá переливаются всеми цветами радуги, а ночью кажутся бледными светящимися сферами на фоне звездного неба! Этот поразительный город похож на гигантские кинодекорации. Трудно привыкнуть к его азиатской тяге к округности. В Ленинграде я этого почти не замечала, но здесь стремление России на Восток становится явным. Это движение в обратном направлении, против часовой стрелки, вопреки всем резонам – ведь весь остальной мир уверенно шагает на Запад» [9, с. 87]. Европоцентричность Трэверс, ее эстетические предпочтения, а возможно, и нежелание или неумение понять «другого» проявились в оценке собора Василия Блаженного: «Не могу назвать его образцом дурного вкуса; на мой взгляд, вкус тут отсутствует начисто – нагромождение одного архитектурного кошмара на другой» [9, с. 92].

Чужд ей и Достоевский, судя по своеобразной интерпретации его творчества, присутствующей в ее суждении: «Россия еще не изжила влияние Достоевского: иступленное сострадание сочетается здесь с бессмысленной жестокостью. На днях я стала свидетельницей того, как двое мужчин, привычно ругавшихся на улице, вдруг наскочили друг на дружку, один из них повалил противника и ногой пнул лицом в грязь. Папаша, братишка, возлюбите друг друга! Я убил Ивана за то, что он взял мой перочинный ножик» [9, с. 115].

В Кремль туристов не пустили, и Трэверс комментирует: «Там сидят ОНИ. <... > Мы обречены бродить вдоль красных зубчатых стен – какой суровый приговор! Впрочем, Москва вообще суровая: ее форма и цвет, то, как она разлеглась у темной реки и взбирается на Кремлевский холм. Громкий бесцветный голос гида только усиливает это впечатление» [9, с. 88].

В основном она правдиво и трезво описывает то, что видит. При посещении яслей отмечает, что «увиденное смутило даже Профессоров. В комнате для двухлеток за столом сидели несколько маленьких старичков и старались не пролить кашу на свои пе-

редники. Они выглядели серьезными и угрюмыми, словно понимали смысл плаката, протянутого через всю комнату. Гид перевела его для нас. “Игра – не забава, а подготовка к труду”. Так-то, детки! <...> Ясли отнюдь не блистали чистотой, и я невольно задавалась вопросом: зачем нам выдали халаты – чтобы защитить детей от нас или нас от детей? Полагаю, скорее последнее» [9, с. 91–92]. Она видела, что вдоль улиц «тянутся очереди за продуктами. Люди стоят молча и серо. Их выносливость поразительна. На лицах застыло постоянное отсутствующее выражение, словно они находятся под наркозом. Это голод?» [9, с. 64]. В «образцовом колхозе» она встретила голодных детей-попрошаек. За спиной интуристовского гида, вопреки запретам, ей удалось прошмыгнуть в церковь, где шла служба. Какой-то «силуэт отделился от толпы и, словно призрак, направился» к ней: это была женщина в «не поддающейся описанию одежде, ноги обмотаны тряпьем, чтобы удержать остатки туфель. Она испуганно и торопливо заговорила со мной по-французски. У меня сжалось сердце! Я протянула ей несколько рублей, она поспешно спрятала их под лохмотьями и снова упала на колени. <...> “О, мы проглотили их!” – беззаботно ответила гид, когда я спросила ее, что же произошло со старыми русскими» [9, с. 89]. В отличие от Шоу, восхищавшегося женщинами, занимающимися тяжелой физической работой, у Трэверс кадры кинохроники, где «девушки-комсомолки с натугой толкают огромные вагонетки с углем (или железом, а может, свинцом) вверх по наклонному скату, вызывают возмущение: неужели это аллегория пути в рай?» [9, с. 118].

Но иногда ирония и склонность к парадоксам подталкивают Трэверс к «*reductio ad absurdum*»: «Самое счастливое место, которое я видела в России, – это московская тюрьма. Нет, правда. Живи я в России, меня туда бы как магнитом тянуло. <...> После получасового статистического отчета – “от пяти до десяти лет за убийство; на время уборки урожая заключенных выпускают из тюрьмы под честное слово; в России преступность ниже, чем где-либо в мире, и т.д.” – директор пустил нас к заключенным. Никто из них, похоже, не был заперт, одни лежали на койках (в четыре яруса под самый потолок, как в кубрике на корабле, стены украшены вырезками из газет и неизменными портретами Ленина и Сталина), другие расхаживали туда-сюда, не выпуская из рук свои

матрацы, а некоторые вообще били баклуши. Несмотря на грязь и невзрачность обстановки, лица заключенных сияли радостью. А почему бы и нет?» [9, с. 107–108]. И Трэверс делает вывод: «Антиобщественный поступок, который привел этих людей за решетку, стал для них глотком свободы, позволив вырваться из общей массы. Проявление индивидуальной воли, видимо, воспринимается в России так же, как приступ запоя на Западе: это огонь, который очищает» [9, с. 108].

Несмотря на всю систему контроля Трэверс удавалось сбегать от гидов «Интуриста». С юности увлеченная театром, она хотела увидеть в России новый революционный театр. Но программа «Интуриста» предлагала гостям лишь «Лебединое озеро» в Большом театре – «в такой устарелой постановке, что мы словно бы вернулись в эпоху царизма. Впрочем, надо отдать должное их технике – танцевали превосходно. По крайней мере, намного лучше, чем то, на что способны мы на Западе. <...> Зато публика была великолепна. Казалось, что некий безымянный волшебный сок течет сквозь вас, вызывая то редкое ощущение гармонии, которое появляется, когда много людей в едином порыве разделяют общее чувство восторга. В театре я чувствовала полное слияние с русскими, возможно, потому, что театр – единственное место, где они становятся свободными людьми и не ведут себя как члены групп, ячеек и советов» [9, с. 173].

А самые яркие страницы в книге – описание «Гамлета» в театре Вахтангова в постановке Н.П. Акимова, о которой Д.Д. Шостакович, написавший музыку к спектаклю, заметил: «Эта скандальная постановка и до сего дня – кошмар для шекспироведов. Они бледнеют при одном только упоминании о ней, как если бы увидели Призрак» [цит. по: 2, с. 110]. Режиссер сделал главным в спектакле борьбу за престол; он хотел превратить «Гамлета», за которым установилась слава мрачной мистической трагедии, в оптимистический, жизнерадостный спектакль, и получилась эксцентрическая комедия: с трюками и буффонадой. Персонажи преобразились. Гамлет, кутила и забияка, постарел и лишился романтического ореола. Офелию брак с принцем интересовал лишь как возможность стать членом королевской семьи, ради этого она готова шпионить и доносить. Поняв, что мечта ее не осуществится, она, напившись с горя, горланила непристойные песни и

утонула. Монолог «Быть или не быть?» Гамлет произнес в кабаке; еле ворочая языком, он размышлял, быть или не быть ему королем [см.: 5].

Трэверс пришла в восторг от этого авангардистского спектакля и написала: «Жизнь страны – здесь! <...> Какая это была игра! Возможно, она бы разбила сердца нашим профессорам, но мое впервые, с тех пор как я оказалась в России, вело себя нормально. Pour arriver à Dieu il faut détourner de Dieu. Пусть постановщики отреклись от того Гамлета, к которому мы привыкли, зато теперь он блистал ярче, чем когда-либо. Все возможные правила были нарушены, текст убийственно сокращен, добавлены цитаты из великого Эразма и безымянная буффонада. Характеры действующих лиц тоже изменились. Розенкранц и Гильденстерн превратились в парочку клоунов, которых выпускали перед занавесом всякий раз, когда меняли декорации» [9, с. 147]. Удивительно, как, не зная языка, она передала содержание спектакля, как распознала цитаты из Эразма Роттердамского, видимо, кто-то ей об этом рассказал. Приняла она и режиссерскую трактовку образа Офелии: «...бедняжка, не безумная, а в стельку пьяная, исполняла свои песни, поддерживаемая подвыпившими пажамми <...> она показалась мне настоящей, несчастной и трогательной» [9, с. 148]. Понравился ей и финал: «Спектакль завершился роскошной потасовкой. Фортинбрас и его солдаты явились ангелами, оплакивавшими мертвых: по тому, как смеялась публика, я догадалась, что это была переделка какой-то солдатской песни» [9, с. 148]. По мнению Трэверс: «Возможно, это и не Hamlet, и все же для меня – вполне Hamlet, и, пожалуй, Шекспир предпочел бы его любым замумным постановкам, режиссеры которых способны вдохнуть жизнь в пьесу, только нарядив главного героя в брюки для гольфа или прибегнув к иным ухищрениям – так что спектакль превращается в вешалку для декораций. <...> Помимо игры актеров, которая в основном была великолепной, и новой трактовки пьесы, помимо, на самом деле, самого “Гамлета”, наиболее интересной частью спектакля для меня стала публика. Это были такие зрители, о которых мечтает любой актер, но находит, как правило, лишь на небесах, – публика, которая отдает себя без остатка, как инструмент музыканту. Между актерами и зрителями возникла волшебная связь, невидимый, но почти осязаемый поток, так что все ста-

новились участниками и любой человек в театре играл в пьесе свою особую роль. Все они – актеры по природе» [9, с. 149]. Спектакль действительно имел успех у публики, но в конце концов был осужден как проявление формализма в искусстве и удален из репертуара.

Оказавшись в Британском посольстве, Трэверс полемизировала с дипломатами, возмущенно называвшими постановку «кошунством» [9, с. 150]. Она иронизирует и над англичанами: «...мы постоянно встречаем людей, которые, как нам казалось, существуют лишь в книгах! <...> Они говорят об охоте, Би-би-си и *этих ужасных русских*. Носят брюки в полоску, визитки и, кажется, не выпускают из рук невидимых Юнион Джеков. Лишь одно удерживало меня, чтобы не выскочить на улицу и заключить в объятия первого попавшегося русского. Одно-единственное – кекс. Настоящий кекс. <...> И чай с молоком. И подушки. Вы не представляете себе, насколько Россия обостряет ваши чувства. <...> Мелочи приобретают огромное значение, их важность вырастает до небес» [9, с. 151].

В последней главе Трэверс описала свой визит к некоему А., «семь раз директору», члену нескольких консультативных комитетов, секретарю писательского клуба, успешному драматургу и партийцу [9, с. 190]. Он знает английский, у него автомобиль, квартира («две комнаты и кухня») в доме, где живут писатели и художники. Трэверс упоминает, что А. в скором времени собирается «переводить на русский язык английские и американские книги» [ibid.]. Но в основном он рассказывает ей о преимуществах жизни советского литератора, которого государство избавило от необходимости «искать тему будущей работы. <...> Для художника в Советской России есть три темы на выбор: падение царизма, революция и рождение нового человека (большевика)» [9, с. 192]. И драматург, и его жена, на взгляд Трэверс, «как и все русские, которых я встречала, заняты надуванием огромного мыльного пузыря своей веры – не сознавая, что он неизбежно лопнет, они мчатся во весь опор к распаду, хаосу и торжеству реальности» [9, с. 193]. Но когда она, устав от агитации за социализм, вдруг упомянула о том, что у нее в отеле лежат лимоны – «дефицитный» райский плод, спасающий от витаминного голода, драматург сразу «спрыгнул с небес на землю» и «переменился в лице. Выражение

транса и фанатичный энтузиазм исчезли. Он снова стал похож на человека: линии лица вдруг смягчились и оживились радостью <...> “Пойдемте. Мы поедем в моем автомобиле. Не будем терять ни минуты”» [9, с. 194]. «О, хрупкие пузыри теорий, – комментирует Трэверс, – вы не устояли перед маленьким фруктом с грубой желтой корочкой. Как мало солнца надо, чтобы растопить замерзшую реку!» [ibid.]. В отеле она вручила писателю восемь драгоценных по тем временам в Советской России лимонов.

Финальная сцена травелога предвещает книги Трэверс о Мэри Поппинс: увидев лимоны, служащие отеля бросают на Трэверс умоляющие взгляды, она подкидывает оставшиеся шесть лимонов в воздух, и служащие начинают перебрасываться ими, они «смеялись и кричали от радости, <...> лопнуло какое-то напряжение, и теплота, дружелюбие, жизнь – называйте это как хотите – растеклось между нами». Тут вошли британские туристы и тоже превратились в «хавбеков, центровых и форвардов в фантастическом матче на Приз Лимонов. На миг мы снова сделались свободными – все мы: русские и туристы – под летящими арками желтых фруктов, стали раскованы¹, у нас словно выросли крылья» [9, с. 196].

Каков итог увиденного Трэверс в СССР? С первых же страниц становится ясно: она пишет книгу, понимая, что «новое государство», которое, по ее словам, «столь благородно и героично сражалось в те *десять дней*, просто переродилось ныне в новую, более сильную форму буржуазной бюрократии» [9, с. 10]. «Просто диву даешься: в России, возвестившей о своем стремлении к бесклассовому обществу, все поделено на ранги и классы» [9, с. 12]. Живопись Рембрандта в Эрмитаже навела Трэверс на размышления: «*Вот* чего не хватает в России – *личного* во взгляде! Повсюду тут встречаешь лица застывшие и невыразительные, а глаза стеклянные и пустые. И опасные тоже: под влиянием настроения – жестокого или фанатичного – они способны на что угодно. Как хочется видеть личности, а не личины – многократно тиражированные советские маски!» [9, с. 85]. «Серый, серый, серый – только серый цвет в лицах здешних людей и на небе» [9, с. 141] – энтузиазм и озлобленность одновременно. В России бесполезно о чем-то просить, на «все один ответ – отказ. Это – *тюрьма!* Россия –

---

¹ В книге «раскованны», т.е. с ошибкой. – Т. К.

сплошное отрицание» [9, с. 93]. Она сомневается в разумности происходящего в стране и понимает его опасность. Недоумевая по поводу того, как большевики сумели настолько изменить массовое сознание, она находит свой ответ в театре, где ее поражает способность аудитории отдаваться иллюзии: «Сидя в русском театре, начинаешь понимать, как советскому государству удалось довести страну до крайности: добавьте к природной склонности к актерству непрекращающуюся пропаганду и бесконечные плакаты, и вы сможете приручить человека к нынешнему режиму. Афиши, громкоговорители и личная склонность все превращать в театр способны убедить любого, что он играет ведущую роль в большевистском пышном спектакле и что без его участия вся сценическая конструкция Советской России обратится в руины. О, как это хитро придумано, как чертовски хитро! Ленин обнаружил, что медведи могут плясать, а Сталин догадался, как вдеть им в носы кольца, чтобы водить по улицам. Но не скрывается ли где-то там, за всей этой хитроумной эксплуатацией, желание самого медведя, чтобы его водили? Не по собственной ли воле люди выбрали тиранов, которые подыгрывают их самым глубоким инстинктам и освобождают от необходимости думать самостоятельно?» [9, с. 150]. Иррациональный энтузиазм советских людей поражает ее, и в конце концов она находит ему объяснение в стремлении превратить коммунистическую доктрину в новую религию и верить вопреки очевидному, пренебрегая фактами.

Книга Трэверс содержала серьезное предупреждение: «В мире, безумно балансирующем между фашизмом и коммунизмом как двумя формами тирании, писатели, оказавшись перед выбором, предпочитают последний. Но это жалкая альтернатива, поскольку коммунизм в России существует лишь для одного-единственного класса», и цель советской России – «механизация, а не гуманизация государства» [9, с. 11]. Однако книга Трэверс осталась незамеченной и предостережения писательницы не были услышаны.

Каково значение этой поездки для творчества Трэверс? Первый рассказ о Мэри Поппинс она опубликовала в 1926 г. [3, р. 99]. Зимой 1933 г., вскоре после возвращения из СССР, она начала писать первую из своих восьми книг о волшебнице-няне, которая учит детей ничего не бояться и верить в присутствие сказочного в

реальном мире. Трэверс противопоставила свое представление о прекрасном мире, полном волшебства и чуда, не только рациональному, пуританскому миру Британии, но и серому рациональному миру Советской России. Первая же книга о Мэри Поппинс, вышедшая в 1934 г., имела фантастический успех.

Список литературы

1. Вайнтрауб С. Неожиданный Шоу.
Weintraub S. The unexpected Shaw. Biographical approaches to G.B.S. and his work. – New York : UNKNO, 1982. – 254 p.
2. Волков С., Шостакович Д. Свидетельство : воспоминания Дмитрия Шостаковича, записанные и отредактированные Соломоном Волковым / неофициальный обратный пер. с англ. яз. – URL: <http://testimony-rus.narod.ru/Testimony.pdf>. – Перевод выполнен с издания: Volkov S., Shostakovich D. Testimony : the memoirs of Dmitri Shostakovich. – 25th anniversary ed. – New York : Limelight, 2004. – 350 p. – Страницы перевода соответствуют страницам английского текста.
3. Лоусон В. Мэри Поппинс написала она. Биография П.Л. Трэверс.
Lawson V. Mary Poppins she wrote. The life of P.L. Travers. – London : Aurum press, 2005. – 400 p.
4. Майский И.М. Из воспоминаний о Бернарде Шоу и Герберте Уэллсе. – Москва : Правда, 1973. – 64 с.
5. Миронова В. «Гамлет» по-акимовски // В спорах о театре : сб. научных трудов. – Санкт-Петербург : Изд-во Российского института истории искусств, 1992. – С. 6–21.
6. Сталин – Уэллс. Беседа.
Stalin – Wells talk : the verbatim record and a discussion by G.B. Shaw, H.G. Wells, J.M. Keynes, Ernst Toller and others. – London : New statesman and nation, 1934. – 47 p.
7. Тобин Р. Голос меньшинства. Хьюберт Батлер и южно-ирландский протестантизм, 1900–1991.
Tobin R. The minority voice : Hubert Butler and Southern Irish protestantism, 1900–1991. – Oxford : Oxford univ. press, 2012. – 302 p.
8. Трэверс П.Л. Московская экскурсия.
Travers P.L. Moscow excursion. – New York : Reynal & Hitchcock, 1934. – 121 p.
9. Трэверс П.Л. Московская экскурсия / пер. с англ. О. Мязотс. – Санкт-Петербург : Лимбус пресс, 2017. – 287 с.
10. Флаэрти Л. Я побывал в России.
Flaherty L. I went to Russia. – London : J. Cape, 1931. – 299 p.